

УДК 81'371

ЭМОТИВНЫЕ РЕФЕРЕНЦИИ

© 2012 г.

Е.А. Горло

Таганрогский государственный педагогический институт им. А.П. Чехова

shenetschka@rambler.ru

Поступила в редакцию 10.09.2012

Рассматривается проблема эмотивной референции с позиций лингвистической прагматики.

Ключевые слова: лингвистическая прагматика, прагматическое значение, эмотивная референция, эмотивы.

Интерес к антропологическому фактору в языке, расширяющий диапазон изучения языка и речи и выдвигающий в число исследовательских проблем феномен человеческого бытия, является одним из отличительных признаков современной лингвистической парадигмы. К специфике человеческого бытия восходит ряд явлений, среди которых важное место занимают прагматические значения и актуализирующие их референции, в том числе эмотивные референции, посредством которых происходит экспликация перцептивного и аффективного опыта коммуницирующего субъекта.

Прагматическое значение представляет собой сложное гетерогенное образование, проецирующее позиционирование субъекта коммуникации по отношению к внешним лингвистическим и экстралингвистическим стимулам. В пространстве текста прагматические значения выступают как эталоны-инварианты, актуализирующиеся в конкретном окружении в виде эмотивно- и конативно-ориентированных смыслов. Характеристики прагматического значения и вариантов его речевой реализации (незамкнутость, нелинейность и неустойчивость) восходят к многомерной иконической и индексальной связи – референции – между различными составляющими дискурса.

В зависимости от критериев эксплицируемой референции, т.е. специфики соотношений, которые она характеризует, представляется возможным выделить денотативно-идентифицирующие и модальные референции. Денотативно-идентифицирующие референции фиксируют номинации одних объектов действительности и устанавливают фактическую соотнесенность с ними других объектов. Модальные референции (субъектно-маркированные референции) восходят к выражению субъективного

отношения отправителя к данному фрагменту изображаемой действительности. Проанализируем денотативно-идентифицирующие и модальные референции на конкретном примере.

Пример 1

9 ноября 1924 г. Слобода Ольховый Рог. 2 часа дня.

Милая моя и родная Марусёнок!

Сижу в ожидании доброй погоды в слободе Ольховый Рог (в 25 верстах от Миллерово) в комнате достаточно теплой и хочу написать тебе подробнейшее письмо (*М.А. Шолохов М.П. Шолоховой 9 ноября 1924 г., Слобода Ольховый рог* [1, с. 10]).

Денотативно-идентифицирующие референции представляют референциально-фактологический план, модальные референции – модальный план содержания данного отрывка.

Референциально-фактологический план содержания формируется указывающими на конкретные субъект и объекты действительности, их свойства и действия, а также пространственную и временную локализацию именными группами (*9 ноября 1924 г., Слобода Ольховый Рог, 2 часа дня, в ожидании погоды, в слободе Ольховый Рог, в 25 верстах от Миллерово, в комнате*), глагольными группами (*сижу в ожидании, написать письмо*) и прилагательным (*теплой*).

Модальный план содержания маркирован именем собственным (*Марусёнок*), глагольной группой (*хочу написать*), качественными прилагательными (*милая, родная, доброй, подробнейшее*) и наречием образа действия (*достаточно*). Маркеры модального плана представляют отправителя как активный оценивающий субъект (*сижу, хочу*) и эксплицируют его цен-

ностное отношение к данным фактам реальной действительности (*Марусёнок; милая, родная, доброй, подробнейшее; достаточно*). В приведённом отрывке письма посредством восклицательного предложения эксплицируется также положительное эмоциональное отношение отправителя к адресату (*Милая моя и родная Марусёнок!*).

Благодаря актуализации отправителем референциально-фактологического и модального планов содержания информация особым образом распределяется в представленном отрывке, денотируя реальные субъект и объекты действительности, их свойства и действия, желаемые действия и, наконец, отношения к объектам субъекта речевой деятельности. Денотативно-идентифицирующие референции выполняют здесь информативную функцию, передавая конкретную информацию; модальные референции – информативно-регулятивную функцию, определяя направление интерпретации представленной фактологической информации и передавая имплицитную информацию прагматического характера.

Исследования денотативно-идентифицирующих референций ориентированы на изучение предмета обозначения (референта) как материального, физически существующего объекта действительности или как существующего в нашем сознании представления или понятия. Исследование модальных референций на фоне уже представленных предметов выводит на первый план отношения субъекта отправителя к отображаемым событиям, сущностям и/или к получателю.

В зависимости от специфики соотношений, которые характеризует модальная референция, представляется возможным выделить следующие её типы: дейктическую референцию (выражение отношения отправителя к факту темпорально-локального позиционирования объектов действительности), оценочную референцию (выражение ценностного или вероятностного отношения отправителя к денотируемому объекту или событию) и эмотивную референцию (выражение отношения отправителя к эксплицируемому эмоциональному или / и психическому состоянию). Рассмотрим последний тип референции подробнее.

Итак, эмотивная референция выражает отношение к эксплицируемому эмоциональному или / и психическому состоянию (в том числе определённое эмоциональное или психическое состояние или отношение самого субъекта). Отношение отправителя к эксплицируемому эмоциональному или / и психическому состоя-

нию восходит к перцептивному и аффективно-му опыту коммуницирующего субъекта и реализуется в тексте посредством эмотивов.

Лингвопрагматическое изучение эмотивов и эмотивных модальных референций опирается на опыт разнонаправленных научных исследований, среди которых особое место занимают исследования, осуществлённые с позиций семантики, коммуникативной лингвистики, теории речевых актов, когнитивной лингвистики, теории межкультурной коммуникации, литературоведения, собственно лингвистической прагматики и т.д.

Так, например, в семантической работе Елены Викторовны Падучевой «Динамические модели в семантике лексики» (2004) представлен анализ глаголов с эмотивным компонентом с целью выявления деривационных отношений значений. На примере ряда глаголов (*возмутить, рассердить, испугать, огорчить, утешить, успокоить*) Е.В. Падучева исчисляет возможные значения глаголов эмоции и подробно описывает модели их семантической деривации [2, с. 290–303]. Одним из результатов данного исследования является семантическая парадигма глаголов эмоции, эксплицирующих разнородные соотношения между участниками ситуации, их синтаксическими ролями и т.д. В ходе анализа Е.В. Падучева уточняет традиционное разделение эмотивных глаголов, выделяя наряду с глаголами классов эмоционального состояния (*бояться, радоваться, волноваться*) и эмоционального отношения (*любить, гордиться, презирать, нравиться*) глаголы класса психического воздействия (*волновать, радовать*) [2, с. 275–276]. К результатам работы учёного можно также отнести введение в круг исследовательских проблем основных характеристик глаголов эмоции: их преобладающую неагентивность (невозможность употребления в качестве глаголов действия) [2, с. 276], возможность вторичного выражения эмоции [2, с. 286], совместимость с указанием меры [2, с. 304].

Представители коммуникативного направления в лингвистике, в том числе Виктор Иванович Шаховский, трактуют эмотивный компонент значения слова как социально обобщённый результат отражения эмоций в слове в процессе их вербализации и семантизации [3, с. 1]. При этом отмечается, что, с одной стороны, социальная обобщённость позволяет рассматривать языковые средства выражения эмоций в качестве универсальных для заданной общности людей, с другой стороны, реализация эмотивного компонента исследуется как важнейшая характеристика речевой деятельности конкретно-

го коммуницирующего субъекта. Выражение эмоций представляется как одна из важнейших коммуникативно-деятельностных потребностей человека, обуславливающая функционирование бесконечно валентного эмотивного кода на всех уровнях языковой системы [3, с. 4].

В работе «Gefühle Ausdrücken. Expressive Sprechakte» (1991) Сюзанна Мартен-Клефт (Susanne Marten-Cleff) ориентируется на описание типов экспрессивных речевых актов как элементарного типа речевых действий, не связанных парадигматическими и институциональными отношениями [4, с. 7], информирующих получателя об эмоциональном настрое, настроении отправителя [4, с. 6, 29]. Интересно наблюдение автора, согласно которому наличие экспрессивных речевых средств в пределах заданного речевого акта не означает обязательной экспликации эмоций (например, в речевых актах: а) Ich habe das Gefühl, dass wir bald Regen bekommen. б) Ich fühle, mit diesem Mann stimmt etwas nicht) и, наоборот, отсутствие экспрессивов не означает, что данный речевой акт не является экспрессивным речевым актом [4, с. 9]. Сюзанна Мартен-Клефт постулирует синонимичность терминов «эмоция» и «чувство» [4, с. 49], их привязанность к конвенционально обусловленным речевым действиям [4, с. 50] и индивидуальную окрашенность актуализации [4, с. 56].

Чувственное восприятие и эмоциональная оценка, как результат комплексной разновекторной работы сознания, изучаются в рамках когнитивной лингвистики с целью выявления системообразующих параметров аксиологического познания, формирующихся в ходе прикладной деятельности человека по освоению им окружающей действительности. При этом различаются прямая и косвенная эмоциональная оценка. Прямая оценка трактуется как эмпирически обоснованный, валидный продукт аксиологической деятельности коммуниканта, восходящий от действительности к языку. Косвенная оценка представляется зеркальным вектором, исходной точкой которого является язык или конкретный представитель лингвокультурного сообщества [5, с. 5].

В лингвокогнитивно ориентированной работе Марко Баттаччи (Marko W. Battacchi), Томаса Суслова (Thomas Suslow) и Маргариты Ренна (Margherita Renna) «Emotionen und Sprache. Zur Definition der Emotion und ihren Beziehungen zu kognitiven Prozessen, dem Gedächtnis und der Sprache» (1997) эмоции исследуются как «язык», с доминирующими информативной [6, с. 11] и реферативной функциями [6, с. 54]. В

книге рассматриваются, с одной стороны, влияние эмоций на содержание речи, с другой стороны, процессы инициации / усиления эмоций под влиянием речевого содержания.

Представители теории межкультурной коммуникации большое внимание уделяют изучению эмоционального компонента в содержании национально-специфического коммуникативного поведения. Татьяна Викторовна Ларина рассматривает, к примеру, различные способы выражения эмоций как характеристику коммуникативного поведения носителей языка, являющегося компонентом их национальной культуры и регулирующегося национальными нормами и традициями [7, с. 51-70]. Автор указывает на сдержанность английской (умение владеть собой, самоконтроль, ориентированность на собеседника) и эмоциональность русской коммуникативной культуры (сердечность, открытость, теплота, импульсивность) [7, с. 59, 247-248]. Кроме того, Т.В. Ларина обращает внимание на наличие парадоксальной, на первый взгляд, сдержанной российской и более эмоциональной и экспрессивной английской бытовой коммуникации [7, с. 67]. Этот феномен автору удаётся объяснить через противопоставление двух типов эмоций: эмоций, носящих естественный спонтанный характер, являющихся открытой демонстрацией чувств (в терминах автора – эмоциональность), и эмоций преднамеренного характера, представляющих определённую стратегию коммуникативного поведения (в терминах автора – эмотивность) [7, с. 68].

В рамках литературоведческого направления исследуется эмотивное пространство текста, включающее в себя диктально-эмотивные и модально-эмотивные смыслы. Диктально-эмотивные смыслы – смыслы, эксплицирующие объективно существующие в реальности (диктальные) чувства, модально-эмотивные смыслы – смыслы, представляющие чувства, которые испытывает и субъективно выражает автор текста [8, с. 122]. Исходя из развёрнутости диктально-эмотивных и модально-эмотивных смыслов, Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин подразделяют их также на: фразовые, фрагментные и общетекстовые эмотивные смыслы [8, с. 124–133]. В соответствии с функциональной направленностью выделяются разновидности эмотивных смыслов: интерпретационно-характерологические, эмоционально-жестовые и эмоционально-оценочные [8, с. 134–142].

В прагматически ориентированной работе Норберта Фриза (Norbert Fries) эмоции соотносятся с грамматикой естественных языков, рас-

считается лингвистическая релевантность эмоций, дискутируются компоненты эмоционального значения, анализируется экспликация эмоционального значения посредством различных языковых форм. Норберт Фриз разделяет чувства (*Gefühle, feelings*) и эмоции, трактуя первые как специфические, характерные для субъекта, интроспективно воспринимаемые настроения [9, с. 2], вторые – как специфические, характерные для субъекта, эксплицируемые посредством языковых средств установки по отношению к различным объектам действительности, реферирующим определённые интенциональные состояния [9, с. 5]. Такое разделение позволяет рассматривать чувства как специфический объект исследования антропологии, психологии и т.д., эмоции – как объект исследования лингвистики.

Согласно данным приведённых выше исследований, так же как и другие типы референций (дейктические и оценочные), эмотивные референции могут актуализироваться с помощью:

1) речевых средств, выражающих эмоциональное состояние субъекта посредством своей семантики (междометий, эмотивных существительных, прилагательных, глаголов);

2) словообразовательных речевых средств (суффиксов *-chen, -ler, -ling*: Männchen, Fräuchen, Liebchen, Herzchen, Karinchen, Abweichler, Gewinnler, Umstützler, Süßling, Schöning; префиксов *super-, mißt-, scheiß-*; суффиксов *-ик, -ишк (-ышк), -ин*: домик, домишко, домина, *-к, -онк (-оньк), -еньк, -иц*: ручка, ручонка, рученька, ручища, *-ок, -очек*: дружок, дружок, *-ун, -утк, -ечк, -яш, -к*: Машуня, Машутка, Машечка, Маняша, Машка и т.д.);

3) речевых средств, выражающих эмоциональное состояние субъекта грамматически (с помощью синтаксических моделей, эксплицирующих чувства, ощущения, переживания субъекта и отношение к ним, экспрессивно окрашенных словосочетаний и восклицательных предложений: *Wie groß Peter geworden ist! Ob er kommt? Aufgestanden! Hans ist ziemlich [do:::f]!*).

Рассмотрим актуализацию эмотивных референций на конкретных примерах (Примеры 2–8).

Пример 2

Одна **тоска сердце мое вередит** Казацкое, что не имею от вас досыла, как отшел с дому [10, с. 1].

Факт эмоционального переживания субъектом определённого явления действительности (*не имею от вас досыла, как отшел с дому*) эксплицируется в данном примере с помощью ме-

тонимической модели, контекстуализирующей отправителя через его чувствующую часть (*тоска сердце вередит*). Эмоциональное переживание локализуется внутри определённого органа (*сердце*). Присутствие испытывающего эмоциональное переживание субъекта в семантической структуре высказывания усиливается притяжательным местоимением (*моё*).

Пример 3

Я приду. Погляжу в глаза, чтоб **весёлые** были, меня оглядали, какой я на вас выйду [10, с. 2].

Прилагательное с эмоциональной коннотацией (*весёлые*) маркирует желаемую отправителем эмоциональную реакцию получателей (отца и матери казака И.Н. Думакова) и актуализирует онтологическую связь между ними и предполагаемой отправителем ситуацией действительности.

Пример 4

Веселы привалы, где казаки запеваы (казачья пословица).

Эмотивное прилагательное (*веселы*) представляет непосредственный чувственный опыт отправителя (казаки на привале запоят – не скучишься).

Пример 5

Я **страшно горюю**, мне опять не пришлось видеть весну. **Проклятые поездки!** (М.А. Шолохов М.П. Шолоховой, 23 марта 1929 г. Москва [1, с. 30]).

Эмотивный глагол (*горюю*), усиленный наречием образа действия (*страшно*), представляет негативные эмоциональные переживания субъекта-отправителя, инспирированные его эмпирическим опытом (*не пришлось видеть весну*). Эффект усиливается восклицательным предложением (*Проклятые поездки!*) с явно выраженной негативной эмоциональной окраской.

Пример 6

Я **утешаюсь** тем, что за 1000 верст дорогой мне – **самый дорогой!** – человек **горюет** и **радуются** со мной и живёт со мной в мыслях, как и я с этим самым человечком. **Целую, целую!**.. (М.А. Шолохов М.П. Шолоховой, 23 марта 1929 г., Москва [1, с. 30-31]).

Процесс эмоциональных переживаний предстаёт в динамическом развитии, благодаря

внутренней динамике лексем, презентующих субъективные ощущения отправителя при взаимодействии с миром окружающей действительности (*утешаюсь, горюет, радуется, целую, целую*). Акциональный смысл в данном контексте приобретают также экспрессивно окрашенные восклицательные синтаксические единства: уточнение (*самый дорогой!*) и восклицательное предложение (*Целую, целую!..*).

Пример 7

Письму знаешь, как был **рад? Во!** Ни одну самую хорошую книгу не читал с таким **восторгом** и **удовлетворением** (*М.А. Шолохов Э.В. Цесарской, январь 1930 г., Вешенская* [1, с. 50]).

Эмотивное прилагательное (*рад*), междометие (*Во!*), существительные (*восторгом, удовлетворением*) идентифицируют актуальные ощущения субъекта, вызванные фактом получения письма и его содержанием. При этом в фокусе внимания оказывается характер положительного эмоционального воздействия на сферу восприятия субъекта.

Пример 8

Один литературный **подлец** (это мягко выражаясь), сотрудник краевой комсом<ольской> газеты «Большев<истская> смена», летом был в Вешках, собрал **сплетни**, связанные с моим именем, и после пильняковского дела выступил в газете с сенсационными разоблачениями по моему адресу (*М.А. Шолохов Е.Г. Левицкой, 14 октября 1929 г., Вешенская* [1, с. 48]).

Существительные с выраженной эмоциональной окраской (*подлец, сплетни*) вербализуют негативную аффективно-моральную оценку объекта действительности (Н. Прокофьева, сотрудника краевой комсомольской газеты «Большевистская смена»).

Как видим, речевые средства, актуализаторы эмотивных оценочных референций, могут выражать в тексте полярные (положительные и отрицательные) эмоциональные или психические состояния и отношения субъекта.

Для дальнейшего изучения особенностей актуализации эмотивных референций посредством речевых средств, проиллюстрированных выше, а также для выявления особенностей соотношения речевых средств с установками отправителя мы провели четырёхступенчатый эмпирический анализ. Представим его ход и результаты.

Первая ступень (первый этап) эмпирического анализа предполагала опрос четырёх групп

информантов с целью определения наличия эмотивных референций в предложенных текстах-образцах. Задание для информантов было сформулировано следующим образом: *Прочтите текст. Выпишите (или подчеркните) слова / выражения, с помощью которых в тексте обозначается эмоциональная оценка какого-либо факта действительности.*

Тексты-образцы, анализируемые информантами – казачьи письма (письма А.И. Деникина, И.Н. Думакова, А.С. Лукомского и М.А. Шолохова), рассказ «Казак» А.П. Чехова, списки казачьих пословиц.

В ходе опроса большинство информантов в качестве речевых средств, выражающих эмоциональное состояние или отношение, выделяли в первую очередь синтаксические (восклицательные предложения, например: *Сквозь землю отзовитесь, шепотком скажите, – травой услышу! Голос подайте мне – и вот и я!..* [10, с. 4]) и лексические средства (эмотивные существительные: *радость, тоска*; прилагательные: *радостный, горестный*; глаголы: *не плачьте, не печальтесь* и др.). Сравнительно редко в качестве речевых средств, выражающих эмоциональное состояние или отношение, указывались словообразовательные средства (например, уменьшительно-ласкательные суффиксы: *ножки, шёрстка, месячко*). Результаты опроса были систематизированы и оформлены в виде сводной таблицы (см. табл. 1).

Представим средние показатели актуализации маркеров эмотивной референции на диаграмме (см. диаграмму 1).

Согласно данным, зафиксированным в таблице и в диаграмме, эмоциональные референции чаще всего актуализируются с помощью лексических средств (63.28%), на втором месте находятся синтаксические средства актуализации эмотивных референций (33.65%), на третьем – словообразовательные средства (3.07%).

Второй этап анализа предполагал работу информантов согласно следующему заданию: *Пронумеруйте выписанные (подчёркнутые) Вами слова / выражения в порядке уменьшения выраженности степени эмоциональной оценки.*

По мнению информантов, среди синтаксических речевых средств 98.31% выражают высокую степень эмоциональной оценки, среди лексических речевых средств – 64.14%, среди словообразовательных речевых средств – 54.52 %.

В ходе третьего этапа эмпирического анализа информанты выписывали речевые средства, эксплицирующие индивидуальную эмоциональную оценку коммуницирующего субъекта (автора / лирического героя). Количество таких

Таблица 1

Средства актуализации эмотивной референции

Средства актуализации \ Группа	Первая группа	Вторая группа	Третья группа	Четвёртая группа	Средний показатель
Лексические средства	129 (63.55%)	134 (62.62%)	158 (64.75%)	115 (61.83%)	134 (63.28%)
Словообразовательные средства	3 (1.48%)	9 (4.20%)	12 (4.92%)	2 (1,08%)	6.5 (3.07%)
Синтаксические средства	71 (34.97%)	71 (33.18%)	74 (30.33%)	69 (37.09%)	71.25 (33.65%)
Всего	203 (100 %)	214 (100 %)	244 (100 %)	186 (100 %)	211.75 (100 %)

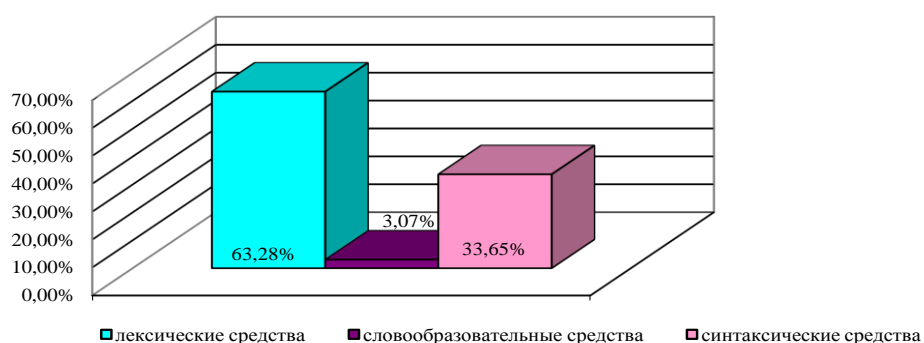

Диаграмма 1. Средства актуализации эмотивной референции. Средние показатели

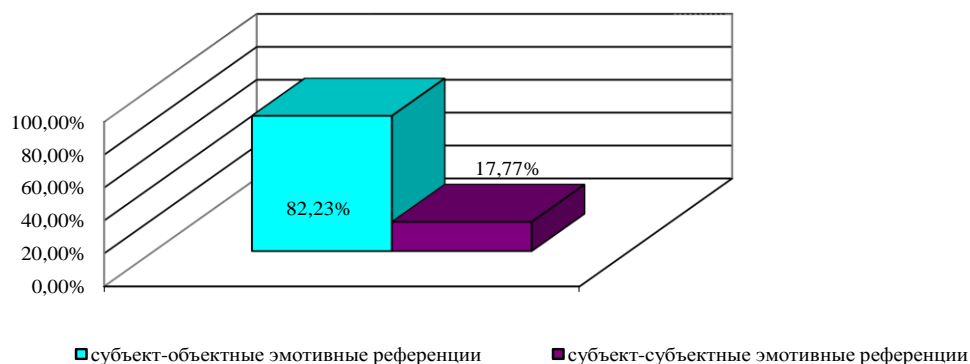

Диаграмма 2. Актуализация субъект-субъектной и субъект-объектной эмоциональной референции

речевых средств составило 17.77% от общего числа эмотивов. На диаграмме это выглядит следующим образом (см диаграмму 2).

Проанализировав высказывания с актуализированной эмотивной референцией, мы пришли к выводу, что модели их абстрактной структуры можно представить следующим образом: а) модели субъект-субъектной эмотив-

ной референции: $S(m) + P(m) + S(d) + P(d)$ – высказывания с эксплицитным (определённым) модусным субъектом, где $S(m)$ – эксплицитный модусный субъект, $P(m)$ – управляющий модальный субъект, $S(d)$ – имплицитный модусный субъект, а $P(d)$ – управляемый диктумный предикат, и б) модели субъект-объектной эмотивной референции: $P(m) + S(d) + P(d)$ – высказывания с

имплицитным (неопределенным) модусным субъектом.

Высказывания, соответствующие первой модели, – высказывания, где актуализируются средства, коррелирующие с первым лицом единственного числа. В роли эмоционально оценивающего субъекта в высказываниях такого типа выступает интерпретирующий факты действительности субъект коммуникации (отправитель или лирический герой) (см. Примеры 1, 2, 5, 6, 7).

Высказывания, соответствующие второй модели, – высказывания, где актуализируются средства, коррелирующие с первым лицом множественного числа, со вторым или третьим лицом единственного или множественного числа. Роль эмоционально оценивающего субъекта исполняет третье лицо (см. Примеры 3, 4, 8).

Предполагается, что прагматические значения типа эмотивов актуализируются преимущественно с помощью модели первого типа, т.е. модели субъект-субъектных эмотивных референций.

Проанализировав данные эксперимента, далее мы разделили эмотивные референции, соответствующие первой модели (субъект-субъектные эмотивные референции) на две группы: референции, соответствующие выражению отношения симпатии (35.48%), и референции, соответствующие выражению отношения антипатии (64.52%). Такое разделение эмотивных оценочных референций отражает обще-европейские тенденции актуализации эмотивов, выражающих положительное и отрицательное отношение отправителя. Так, согласно выводам В. Нот (W. Noth), эмотивов, актуализирующих отрицательное отношение отправителя, в количественном отношении значительно больше, чем эмотивов, актуализирующих положительное отношение отправителя [11, с. 83].

Представленный анализ эмотивной референции как способа актуализации прагматических значений, может быть дополнен и расширен в ходе формирования различных шкал оценок,

представляющих результаты познания реального мира и обобщающих факты обыденного сознания и осмысления опыта конкретных национально-исторических общностей коммуницирующих субъектов. Это должно стать темой последующих статей.

Список литературы

1. Шолохов М.А. Письма / РАН; Институт мировой литературы. Государственный музей-заповедник им. М.А. Шолохова. М.: ИМЛИ РАН, 2003. URL: <http://feb-web.ru/feb/sholokh/texts/shp> (дата обращения 24.11.2003).
2. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
3. Шаховский В.И. Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность // Коммуникативные аспекты значения. Волгоград: ВГПИ, 1990. URL: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/sh/shakhovsky02.shtml (дата обращения 8.06.2011).
4. Marten-Cleft S. Gefühle ausdrücken. Die expressiven Sprechakte. Göppingen: Kümmerle Verlag, 1991. № 559. 373 s.
5. Самигуллина А.С., Федорова А.Л. Прямая и косвенная оценка: всё дело в эмоциональности // Вестник ОГУ. Омск: ОГУ, 2004. №12. С. 4–9.
6. Battacchi M., Suslow Th., Renna M. Emotionen und Sprache. Zur Definition der Emotion und ihren Beziehungen zu kognitiven Prozessen, dem Gedächtnis und der Sprache. Frankfurt/M: Peter Lang Verlag, 1997. 141 S.
7. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 507 с.
8. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. М.: Флинта; Наука, 2005. 496 с.
9. Fries N. Grammatik und Emotionen // Sprache und Pragmatik. Arbeitsberichte 38. Lund, 1996. S. 1–39.
10. Думаков И.Н. Письмо молодого казака. URL: <http://fstanitsa.ru/category/menju/kultura/pismo-molodogo-kazaka-shmelev-novye-rasskazy-o-rossii> (дата обращения 14.12.2011).
11. Noth W. Symmetries and Asymmetries between Positive and Negative Emotion Words // Proceedings. Tübingen: Niemeyer, 1992, 184 p.

EMOTIVE REFERENCES

E.A. Gorlo

The paper is focused on the problem of explication of emotive reference from the standpoint of linguistic pragmatics.

Keywords: linguistic pragmatics, pragmatical meaning, emotive reference, emotive words.